

Барышева Галина Анзельмовна

доктор экономических наук, профессор
Школы инженерного предпринимательства
Национального исследовательского
Томского политехнического университета

Бабышев Вячеслав Юрьевич

аспирант Школы инженерного
предпринимательства
Национального исследовательского
Томского политехнического университета

УСЛОВИЯ ПОДДЕРЖКИ НЕЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ [1]

Аннотация:

В статье описаны основные условия поддержки незанятого населения в экономике России: демографической (учитывающей долю трудоспособного населения), экономической (ориентирующейся на процент занятости среди трудоспособного населения) и эффективной (влияющей на производительность труда и уровень заработной платы). Целью работы является проверка тезисов «макроэкономики старения» применительно к России. Методом исследования выступил сравнительный анализ динамических явлений, между которыми теория «макроэкономики старения» обнаруживает корреляционную взаимосвязь. Проведен анализ взаимосвязи между объемом трудовых ресурсов и внешней трудовой миграцией, объемом трудовых ресурсов и объемом ВВП, объемом трудовых ресурсов и безработицей, числом вакансий и уровнем безработицы. Рассмотрена дискуссия зарубежных авторов об определяющей роли теории спроса или предложения на рынке труда применительно к России. Авторы пришли к выводу, что нет значимой связи между динамикой трудоспособного населения и внешней трудовой миграцией, численностью трудоспособного населения и динамикой ВВП, объемом трудовых ресурсов и безработицей. При этом наблюдалась явная обратная корреляция между числом вакансий и уровнем безработицы. Сделан вывод об отсутствии дефицита трудоспособного населения в России. Внешние трудовые мигранты создают определенную конкуренцию коренному населению за счет заниженной оплаты труда, а не претендуют на свободные рабочие места. Выявлена главная роль спроса над предложением на российском рынке труда, хотя данные соотношения постоянно меняются вследствие гибких процессов в современной экономике. Обнаружен определенный резерв незанятой рабочей силы как в целом по стране, так и применительно к межрегиональной миграции. Обоснован вывод, что повышение производительности труда и заработной платы не только компенсирует негативные демографические тенденции, но и приведет к увеличению резервов незанятой рабочей силы.

Ключевые слова:

«макроэкономика старения», поддержка незанятого населения, трудоспособное население, экономический рост, трудовая миграция, рынок труда, занятость, безработица, вакансии, производительность труда, заработная плата.

Barysheva Galina Anzelmovna

D.Phil. in Economics, Professor,
School of Engineering Entrepreneurship,
National Research
Tomsk Polytechnic University

Babyshev Vyacheslav Yurievich

PhD student, School
of Engineering Entrepreneurship,
National Research
Tomsk Polytechnic University

CONDITIONS FOR SUPPORT OF THE UNOCCUPIED POPULATION IN THE RUSSIAN ECONOMY [1]

Summary:

The article considers the basic conditions for support of the unoccupied population in the Russian economy: demographic support (taking into account the share of the able-bodied population), economic support (focused on the percentage of employment among the able-bodied population) and effective support (influencing labor productivity and wage level). The aim of the work is to test the theses of the "macroeconomics of aging" in the case of Russia. The research method was a comparative analysis of dynamic phenomena between which the theory of "macroeconomics of aging" reveals a correlation. There are analyzed relationships between the volume of labor resources and external labor migration, the volume of labor resources and the volume of GDP, the volume of labor resources and unemployment, the number of vacancies and the unemployment rate. The discussion of Western authors about the dominant role of supply or demand in the labor market in relation to Russia is considered. The authors conclude that there is no noticeable correlation between the dynamics of the able-bodied population and external labor migration, the number of able-bodied people and the dynamics of GDP, as well as there is no correlation between the volume of labor resources and unemployment. At the same time, a clear inverse correlation is observed between the number of vacancies and the unemployment rate. It is deduced that there is no shortage of the working-age population in Russia, and external labor migrants create some competition for indigenous citizens due to low wages, rather than apply for vacant workplaces. There is revealed the predominant role of demand over supply in the Russian labor market, although these ratios are constantly changing as a result of flexible processes in the modern economy. It is identified that in Russia there is a certain reserve of unoccupied labor force both for the country as a whole and in the sphere of intensifying interregional migration. It is reasonably concluded that increasing labor productivity and wage level not only compensate for negative demographic trends, but can also lead to an increase in the reserves of unemployed labor.

Keywords:

macroeconomics of aging, support for the unoccupied population, working-age population, economic growth, labor migration, labor market, employment, unemployment, vacancies, labor productivity, wages.

По имеющимся статистическим данным, в России наблюдается довольно благоприятная ситуация по общей численности трудоспособного населения. Важной исследовательской задачей выступает анализ уровня занятости трудоспособного населения, соотношения уровней производительности труда и заработной платы. Трудоспособное население любой страны состоит из двух крупных групп: коренного населения в трудоспособном возрасте и трудовых мигрантов из других стран. Первая группа определяется в основном демографическими факторами, а вторая во многом зависит от экономических параметров.

Объем трудоспособных возрастов коренного населения определяется уровнем рождаемости в соответствующие годы и коэффициентами дожития до рабочих возрастов. В целом в России с 1950-х гг. установился режим относительно низкой детской смертности, поэтому численность трудоспособного населения в основном определяется рождаемостью. Спецификой России является неравномерность демографических волн рождаемости из-за социально-политических катаклизмов XX в., поэтому изменение доли рабочих возрастов в общем объеме населения носит волнообразный характер [2].

Ресурсы внешней миграции в целом зависят от объема трудовых ресурсов сопредельных стран, имеющих уровень жизни ниже, чем в России, что делает трудовую миграцию экономически выгодной для самих мигрантов.

Адекватная оценка внешней миграции затруднена из-за большой доли нелегальной миграции. В начале 2000-х гг. в России насчитывалось 3 млн внешних трудовых мигрантов, в 2017 г. – более 6 млн чел. При этом постоянно в России находится от 10 до 11,8 млн легальных и нелегальных мигрантов, в том числе 7,8 млн потенциальных трудовых мигрантов. В 2000 г. только 200 тыс. иностранцев работали легально, в 2013 г. – 1,4 млн чел., а с учетом новых каналов легализации – более 3 млн чел. Другие оценки относительно 15–20 млн мигрантов с учетом нелегалов являются явно завышенными [3, с. 58–59]. По разным методикам оценки разброс численности нелегальной миграции составляет от 2,1 млн чел. в 2010 г. до 31,7 млн чел. в 2013 г. [4]. По оценкам МВД, в 2004 г. в Москве проживало от 0,9 до 3 млн нелегальных мигрантов [5].

Одной из причин появления большого количества трудовых мигрантов является ухудшение демографической ситуации, что проявляется в сокращении численности коренного населения в трудоспособном возрасте. Проверим, существует ли обратная зависимость между численностью трудоспособного населения и легальным объемом привлекаемых мигрантов на основе числа выданных разрешений на работу. Сводные данные приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Численность трудоспособного населения и трудовых мигрантов в 1990–2018 гг.

Год	Численность трудоспособного населения, млн чел. [6]	Динамика, %	Численность трудовых мигрантов, тыс. чел. [7]	Динамика, %	Совпадение обратных трендов
1990	86,0	–	Статистически незначимо	–	–
1995	83,7	–2,7	300	+300	Да
2000	86,6	+3,5	211	–29,7	Да
2008	89,7	+3,6	2 426	+1 150	Нет
2009	89,3	–0,5	2 224	–8,3	Нет
2010	88,0	–1,5	1 641	–26,2	Нет
2011	87,8	–0,2	1 028	–37,4	Нет
2012	87,1	–0,8	1 149	+11,8	Да
2013	86,1	–1,1	1 112	–3,2	Нет
2014	85,2	–1,0	1 044	–6,1	Нет
2015	85,4	+0,2	182,4	–82,5	Да
2016	84,2	–1,4	143,9	–21,1	Нет
2017	83,2	–1,2	114,9	–20,2	Нет
2018	82,3	–1,1	93,2	–18,9	Нет

Таблица 2 – Динамика трудоспособного населения и миграционного прироста в 1990–2018 гг.

Период	Изменение объема трудоспособного населения, млн чел.	Изменение миграционного прироста, млн чел.	Совпадение по абсолютным величинам
1	2	3	4
1990–1995	–2,3	+0,3	Нет
1995–2000	+2,9	–0,1	Нет

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
2000–2008	+3,1	+2,2	Нет
2008–2009	–0,4	–0,2	Нет
2009–2010	–1,3	–0,6	Нет
2010–2011	–0,2	–0,6	Нет
2011–2012	–0,7	+0,1	Нет
2012–2013	–1	–0,04	Нет
2013–2014	–0,9	–0,1	Нет
2014–2015	+0,2	–0,9	Нет
2015–2016	–1,2	–0,04	Нет
2016–2017	–1	–0,03	Нет
2017–2018	–0,9	–0,02	Нет

Обратная зависимость между численностью коренного трудоспособного населения и трудовой миграцией наблюдалась только в 30,8 % случаев, а совпадения по абсолютным величинам не наблюдалось. Следовательно, нет заметной зависимости между сокращением коренного населения в трудоспособном возрасте и наплывом трудовых мигрантов. По данным Г. Ситнянского и В. Бушкова, миграция избыточной рабочей силы из Средней Азии в Россию началась в 1960–70-х гг. [8], а с середины 1970-х гг. иммиграция в Россию стала превосходить эмиграцию [9]. При этом на 1970 г. трудоспособное население России составляло всего 72,8 млн чел., что меньше не только нынешней численности трудоспособного населения, но и прогноза на 2020 г. – 80,6 млн чел.

Сравним динамику численности общего трудоспособного населения с динамикой ВВП. Сводные данные приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Динамика ВВП и трудоспособного населения за 1990–2016 гг.

Период	Изменение ВВП, % [10]	Изменение численности трудоспособного населения, %	Совпадение трендов	Совпадение величин
1990–1995	–37,9	–2,7	Да	Нет
1995–2000	+5,5	+3,5	Да	Нет
2004–2005	+6,4	+0,27	Да	Нет
2005–2006	+8,2	+0,06	Да	Нет
2006–2007	+8,5	–0,11	Нет	Нет
2007–2008	+5,2	–0,35	Нет	Нет
2008–2009	–4,8	–0,45	Да	Нет
2009–2010	+4,5	–1,5	Нет	Нет
2010–2011	+4,3	–0,15	Нет	Нет
2011–2012	+3,4	–0,9	Нет	Нет
2012–2013	+1,3	–1,1	Нет	Нет
2013–2014	+0,6	–1,14	Нет	Нет
2014–2015	–2,8	+0,3	Нет	Нет
2015–2016	–0,2	–1,4	Да	Нет

Таким образом, в 42,9 % случаев динамика ВВП совпадала с динамикой численности трудоспособного населения, и даже в случаях совпадения трендов темпы экономического роста оказались выше темпов прироста трудоспособного населения.

В научной литературе ведется дискуссия о влиянии численности трудоспособного населения на темпы экономического роста и уровень безработицы. Р. Истерлин считает, что «при прочих равных условиях снижение темпов выхода представителей молодежи на рынок труда приводит к благоприятным условиям (снижению безработицы. – *Примеч. авт.*) из-за их дефицита, и наоборот: рост темпов выхода молодежи на рынок труда приводит к неблагоприятным условиям» [11]. Р. Шимер не согласен с Р. Истерлином и считает, что «фирмы предпочитают работать на рынках с большим несоответствием (между спросом и предложением молодых работников. – *Примеч. авт.*), потому что на них легче найти хороших сотрудников, чем на более плотных рынках труда» [12].

В частности, существует мнение, что России для развития обширных территорий не хватает населения. В связи с этим складывается интересная ситуация относительно внутрироссийской миграции. В России в целом наблюдался отток трудоспособного населения в центральные и южные регионы страны (всего 3 млн чел. с начала 1990-х гг.). Происходит отток населения из сельских районов в города и из мелких городов в крупные агломерации. На фоне сокращения населения Поволжья и Сибири его прирост в центральных регионах с начала 1990-х гг. составил почти 4 млн

чел. С 2011 г. внутренняя миграция значительно возросла и составила до 4 млн чел. в год, а межрегиональная – до 1,9 млн чел. [13]. Лидерами по привлечению внутренних мигрантов в 2013 г. выступили Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край и нефтегазовые районы Урала и Сибири. Иностранцы мигранты направляются в те же регионы: на Москву приходится 20,9 % всех выданных разрешений на работу, Московскую область – 8 %, Санкт-Петербург и Ленинградскую область – 21,5 %, Краснодарский край – 5 % и Ханты-Мансийский автономный округ – 3 % [14, с. 354]. При этом регионы, принимающие мигрантов, характеризуются дефицитом рабочей силы, а регионы-доноры (Курганская, Астраханская, Кировская области, республики Алтай, Карелия, Хакасия и др.), наоборот, испытывают ее избыток.

Таким образом, в России не наблюдается явного влияния численности трудоспособного населения на экономическое развитие, однако имеет место четкая обратная зависимость: уровень экономического развития влияет на численность трудоспособного населения. По мнению авторов, миграция зависит от уровня экономического развития, состояния социально-экономической инфраструктуры и климатических условий. Но экономические факторы являются главными.

В целом внутрироссийская трудовая миграция характеризуется небольшими величинами: в 2012 г. численность работающих за пределами своего региона составила 2,3 млн чел, а без учета суточной миграции из пригородов в крупные города всего 1 563 тыс. чел. (1,4 % населения в возрасте 15–72 года, или 2,2 % занятого населения). Доля мигрантов в занятом населении регионов приезда колебалась: в нефтегазовых районах – 14,4 %, в Москве – 10,1 %, в Ненецком АО – 5,3 %. Сельские жители являются более мобильными на рынке труда: при доле 26 % от населения страны их вклад в миграцию составляет 42 % [15].

Существует распространенное мнение об отрицательном влиянии конкуренции со стороны иностранных мигрантов на рынок труда и уровень зарплат. Действительно, работодатели находят более выгодным нанимать мигрантов без оформления и выплаты налогов, однако сказанное справедливо только для сферы тяжелого неквалифицированного труда с низкой заработной платой. Согласно оценкам, в 2009–2013 гг. заработная плата мигрантов была на 40 % ниже заработной платы коренных жителей на аналогичных работах [16, с. 121]. Альтернативная оценка: 37 % в 2007 г. и 45 % в 2009 г. конкретно для трудовых иммигрантов из Таджикистана [17, с. 41]. Именно в этом секторе низкоквалифицированного и физически тяжелого труда сосредоточена большая часть трудовых мигрантов. Например, в 2011–2013 г. из 3 млн чел., получивших разрешительные документы на работу в РФ, высококвалифицированные трудовые мигранты составили 50 тыс. чел., а квалифицированные – чуть больше 200 тыс. чел. [18, с. 343–344]. По данным официальной статистики, в 2012 г. 31 % мигрантов трудился в неквалифицированном секторе (легальная миграция), а с учетом данных различных опросов этот показатель достигает 60 % (нелегальная миграция) [19, с. 348]. При этом даже в этом секторе у российских мигрантов в целом выше образование и квалификация, они предъявляют более высокие требования к рабочим местам, чем иностранцы. Следовательно, имеет место конкуренция не столько между российскими и иностранными работниками, сколько между формальным и неформальным сектором экономики (30 % иностранных мигрантов трудились рядом с внутрироссийскими мигрантами). В сфере квалифицированной рабочей силы нет заметной разницы или преимуществ у мигрантов относительно коренного населения.

В целом и внутренняя, и иностранная миграция сосредоточены преимущественно в одних и тех же отраслях экономики: для мужчин это строительство (40 % внутрироссийских и 32 % иностранных мигрантов), добыча полезных ископаемых, реже – сельское хозяйство, торговля (9 % иностранных мигрантов в 2012 г.) и транспорт; для женщин сфера услуг (17 % в 2012 г.). Особенно сильно влияние мигрантов в сфере строительства. В нефтегазовых районах 41 % занятых в строительстве и 37 % занятых в добыче полезных ископаемых мужчин являются трудовыми мигрантами [20, с. 40]. Легально в строительной отрасли заняты 5 % мигрантов, с учетом нелегалов этот показатель приближается к 20 %. При этом в строительстве заняты только 7,6 % коренных россиян против 34 % мигрантов (в торговле – 18,4 против 8 %, на транспорте – 9,5 против 4 %) [21, с. 347].

Влияние мигрантов на рынок труда довольно незначительно: увеличение числа мигрантов на 1 млн чел. приведет к уменьшению заработной платы в среднем по стране на 0,17 %, а депортация всех нелегальных мигрантов увеличит среднюю заработную плату всего на 0,6 %. При этом для неквалифицированного сектора цифры немного выше: увеличение доли мигрантов на 1 % уменьшит зарплату на 0,215 %, а депортация всех нелегальных мигрантов повысит ее на 1,1 %. При этом депортация всех нелегальных мигрантов увеличит цены на товары и услуги секторов с их значительным участием на 1 % [22].

По мнению С. Рязанцева, даже с учетом недополученных в 2010 г. российским бюджетом 200 млрд р. от уплаты налогов «прибыль» экономики России от работы мигрантов составила

2 714,1 млрд р. При этом стоимость произведенных мигрантами товаров и услуг намного больше их личного потребления и денежных переводов на родину [23, с. 24].

Структура мигрантов в целом противоречит заявленной потребности рынка труда в России в специалистах различного профиля. В 2012 г. дефицит по группе неквалифицированных рабочих составлял 2,7 %; операторов машин и установок – 2,6; квалифицированных рабочих – 2,9; медсестер – 5,6; врачей – 11,5 % [24, с. 16].

А. Ивантер критикует саму идею оценки трудовых ресурсов исходя исключительно из количественного параметра. В 2006 г. из 90 млн трудоспособного населения в экономике было всего 68,2 млн официально занятых, что на 8,7 млн меньше показателя 1989 г., когда наблюдался рекордный процент официально занятого населения в трудоспособном возрасте (92 %). В настоящее время уровень занятости трудоспособного населения составляет 75 %. При этом резко сократилось число лиц рабочих специальностей и увеличилось количество специалистов непродуцированной сферы деятельности [25]. По данным Е. Щербаковой, численность экономически активного населения в России в 2006 г. составила 74,3 млн чел. [26]. Стоит отметить, что занятость наблюдается как в возрасте до 18 лет, так и после 55–60 лет, поэтому в некоторых источниках трудоспособным считают население в возрасте от 15 до 72 лет.

В целом все трудоспособное население можно разделить на три группы: официально занятые, официально безработные и официально не входящие в состав рабочей силы (но, возможно, входящие в неформальную занятость). Данные о соотношении различных групп по сообщениям Росстата приведены в таблице 4 [27].

Таблица 4 – Структура трудоспособного населения в 2000–2017 гг., тыс. чел.

Год	Численность людей в возрасте от 15 до 72 лет	Рабочая сила	Занятые	Безработные	Не входящие в рабочую силу
2000	111 166	72 770	65 070	7 700	38 396
2001	111 435	71 547	65 123	6 424	39 888
2002	111 544	72 357	66 659	5 698	39 187
2003	111 717	72 273	66 339	5 934	39 444
2004	111 578	72 985	67 319	5 666	38 593
2005	111 519	73 581	68 339	5 242	37 938
2006	112 177	74 419	69 169	5 250	37 758
2007	112 229	75 289	70 770	4 519	36 940
2008	112 258	75 700	71 003	4 697	36 558
2009	111 917	75 694	69 410	6 284	36 223
2010	111 533	75 478	69 934	5 544	36 055
2011	110 916	75 779	70 857	4 922	35 137
2012	110 222	75 676	71 545	4 131	34 546
2013	110 222	75 529	71 391	4 137	34 693
2014	109 505	75 428	71 539	3 889	34 076
2015	110 775	76 588	72 324	4 264	34 187
2016	110 226	76 636	72 393	4 243	33 590
2017	110 166	76 109	72 142	3 967	34 057

Если в России ситуация на рынке труда определяется больше предложением, чем спросом на рабочую силу, то между общей численностью трудоспособного населения и числом занятых должна наблюдаться прямая зависимость. Уменьшение численности трудоспособного населения должно высвобождать рабочие места и тем самым снижать безработицу, и наоборот: увеличение численности трудоспособного населения должно выталкивать излишек людей из сферы занятости и тем самым увеличивать безработицу. Проверим данную гипотезу на примере России. Сводные данные приведены в таблице 5 [28].

Таблица 5 – Динамика безработицы и трудоспособного населения в 1992–2002 гг.

Год	Альтернативная оценка численности безработных в трудоспособном возрасте, % от общей численности населения трудоспособного возраста	Динамика, %	Численность трудоспособного населения, чел.	Динамика, %	Совпадение динамики
1	2	3	4	5	6
1992	5,1	–	84 008 943	–	–
1993	5,9	+0,8	83 110 069	–1,1	Нет
1994	8,2	+2,3	83 158 608	+0,1	Да

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
1995	9,6	+1,4	83 674 854	+0,6	Да
1996	9,8	+0,2	83 886 769	+0,3	Да
1997	12,0	+2,2	84 170 040	+0,3	Да
1998	13,5	+1,5	84 725 544	+0,7	Да
1999	13,0	-0,5	85 635 693	+1,1	Нет
2000	10,1	-2,9	86 563 565	+1,1	Нет
2001	6,9	3,2	87 489 323	+1,1	Нет
2002	6,0	-0,9	87 909 291	+0,5	Нет

Как видим, совпадение трендов наблюдается в половине случаев. Можно провести анализ не по общей численности населения в трудоспособном возрасте, а по экономически активному населению. Сводные данные приведены в таблице 6 [29].

Таблица 6 – Динамика безработицы и рабочей силы в 2001–2015 гг.

Год	Объем рабочей силы, млн чел.	Динамика, %	Доля безработицы (от объема рабочей силы), %	Динамика, %	Совпадение трендов
2001	71,5	–	9,0	–	–
2002	72,4	+1,3	7,9	-12,2	Нет
2003	72,3	-0,1	8,2	+3,8	Нет
2004	73,0	+1,0	7,8	-4,9	Нет
2005	73,6	+0,8	7,1	-9,0	Нет
2006	74,4	+1,1	7,1	0	Нет
2007	75,3	+1,2	6,0	-15,5	Нет
2008	75,7	+0,5	6,2	+3,3	Да
2009	75,7	0	8,3	+34,0	Нет
2010	75,5	-0,3	7,3	-12,0	Да
2011	75,8	+0,4	6,5	-11	Нет
2012	75,7	-0,1	5,5	-15,4	Да
2013	75,4	-0,4	5,6	+1,8	Нет
2014	75,4	0	5,2	-7,1	Нет
2015	75,4	0	5,5	+5,8	Нет

Как видим, в большинстве случаев (11 против 3) не наблюдается прямой зависимости между численностью населения в трудоспособном возрасте и динамикой безработицы. Иными словами, ситуация на рынке труда определяется не столько предложением, сколько спросом.

Если причиной дефицита предложения на рынке труда является преимущественно количественный фактор (численность трудовых ресурсов), то между числом заявленных вакансий и процентом безработных должна наблюдаться обратная зависимость: увеличение числа вакансий должно уменьшать процент безработных, и наоборот. Если же причина дефицита трудоспособного населения заключается больше в качественных факторах (разрыв между предложением и спросом на рынке труда по профессиям и квалификациям), то зависимость между двумя показателями будет слабой или статистически незаметной. Проясним данный вопрос на примере России [30].

С 1998 по 1999 г. число вакансий увеличилось и по данным отчетности предприятий, и по данным банка Государственной службы занятости (ГСЗ). Процент безработных сократился. С 1999 по 2000 г. число вакансий увеличилось, а процент безработных сократился по обоим источникам данных. С 2000 по 2001 г. число вакансий увеличилось по данным отчетности предприятий и не изменилось по данным банка ГСЗ, процент безработных по данным ГСЗ увеличился. С 2001 по 2002 г. число вакансий по обоим источникам не изменилось, процент безработных уменьшился. С 2002 по 2003 г. число вакансий по отчетности предприятий незначительно повысилось и осталось неизменным по данным ГСЗ, процент безработных увеличился. С 2003 по 2007 г. число вакансий по отчетности предприятий незначительно увеличилось и незначительно уменьшилось по данным банка ГСЗ, процент безработных уменьшился. С 2007 по 2009 г. число вакансий резко сократилось, процент безработных увеличился. С 2009 по 2012 г. число вакансий увеличилось, процент безработных сократился. С 2012 по 2013 г. число вакансий практически не изменилось, процент безработных немного увеличился. С 2013 по 2014 г. число вакансий уменьшилось, процент безработных уменьшился. С 2014 по 2015 г. число вакансий сократилось, процент безработных увеличился. С 2015 по 2016 г. число вакансий по отчетам предприятий увеличилось, по данным ГСЗ практически не изменилось, процент безработных уменьшился. Таким образом, для большинства периодов (11 против 7) наблюдалась явная обратная зависимость между числом вакансий и

уровнем безработицы. Иными словами, на рынке труда существует значительный резерв незанятой рабочей силы. Также отметим, что об абсолютной нехватке трудоспособного населения речи не идет: даже в пиковый по числу вакансий 2013 год по отчетам предприятий и данным ГСЗ безработица сохранялась на уровне 5,2–5,6 % рабочей, или в 3,9–4,1 млн чел. [31].

При достаточно высоком уровне официальной занятости и низком уровне безработицы Россия характеризуется большой долей неформальной занятости. Впрочем, оценки объема серого сектора экономики наталкиваются на большие трудности и имеют значительный разброс. Согласно оценкам Обследования населения по проблемам занятости Росстата, с 1999 по 2012 г. удельный вес неформально занятых работников увеличился с 12,4 до 19,0 % [32, с. 5]. Оценки на основе баланса труда (БТ) завышают цифры примерно на 5 %. Расчет В. Гимпельсона и Р. Капелюшникова говорит о примерно 28 % неформально занятых на 2008 г. и уже о 30 % – на 2012 г. [33]. И хотя оценки различаются от 8 % на начало периода до 16 % на конец периода, почти все методики показывают неуклонное увеличение процента занятых в неформальной экономике. Использование Российским мониторингом экономического положения и здоровья населения ВШЭ легалистского подхода для оценки дает показатель не более 15 %, а производственный метод МОТ – чуть больше 10 %.

Таким образом, в зависимости от оценок Россия по неформальной занятости либо находится на уровне самых развитых стран мира, либо смещается в среднюю группу, к уровню Южной Европы. Часть неформально занятых балансирует на грани безработицы, являясь эпизодически занятыми. Сами рабочие места в неформальном секторе в целом менее надежны по сравнению с формальной занятостью. При этом неформальная занятость сосредоточена в сферах торговли, строительства и бытовых услуг.

Работы А. Ощепкова и Ф. Слонимчика показывают, что объем серого сектора зависит от размера минимальной оплаты труда и налогообложения: при повышении МРОТ труд неквалифицированных работников становится менее рентабельным и переходит в неформальную занятость [34]. В результате налоговой реформы 2001 г. число выходящих на неформальные приработки оказалось на 14 % ниже дореформенного показателя, неформальная занятость уменьшилась на 2,5 %, а нерегулярные приработки – на 4,0 %. По выводам В. Гимпельсона и Р. Капелюшникова, специфика России заключается в довольно высоком уровне образования работающих в неформальном секторе, а причиной роста нелегальной занятости является не качество рабочей силы (как в слаборазвитых странах), а уменьшение спроса на труд в результате сокращения формального сектора экономики [35].

Таким образом, проблемы неформальной занятости следующие: из-за неквалифицированного характера работ зарплаты в сером секторе экономики обычно ниже; нелегально работающие не платят налоги и тем самым подрывают финансовые возможности социального государства; производительность и технологический уровень неформальной занятости очень низкий и препятствует экономическому росту [36].

Все эксперты сходятся во мнении о низкой производительности труда в России. В 1990-х гг. производительность труда в России резко упала, в 2000–2007 гг. росла на 5,9 % в год, в 2010–2017 гг. замедлилась до 1,4 %, а в 2019 г., по мнению аналитиков *The Conference Board*, достигнет 2,9 %. По данным Росстата, резкое замедление производительности труда наблюдалось в 2009 и 2015 гг., а с 2016 г. отмечался небольшой положительный прирост в 2 % в год [37].

Согласно данным ОЭСР, в 2017 г. Россия по производительности труда опережала только Мексику, но зато уступала всем остальным странам. Вклад среднего россиянина за 1 час рабочего времени составлял 26,5 долл.; жителя США – 72,1; Германии – 76,4; Великобритании – 60; Японии – 46,1; в среднем по странам ОЭСР – 54,8; странам G7 – 64,1 долл. в год [38]. При этом по количеству отработанных часов россияне, наоборот, в лидерах: 1 978 часов в год против 1 371 у Германии и 1 482 у Франции. При этом отставание наблюдалось еще в советское время: от США – в 4,2 раза, Великобритании – в 2,8. И если в современное время разрыв между Россией и развитыми странами практически не сократился, то развивающиеся страны стали постепенно догонять Россию: с 1991 по 2012 г. производительность труда в России повысилась на треть, а, например, в Китае – в 7 раз [39].

По данным А. Щербакова, россияне отстают не только в производительности труда, но и в размере зарплаты: от США в 3–5 и 7–8 раз соответственно [40]. О низкой оплате труда россиян относительно ВВП пишет и С. Сулакшин [41]. Но, по данным Э. Соболева, относительно производительности труда не наблюдается данной зависимости: в Великобритании зарплата по паритету покупательной способности (ППС) в 1,8 раза выше России при двукратном превышении в производительности труда, в Канаде – превышение в 1,9 по зарплате и в 2,0 по производительности труда, в Италии – 1,8 и 2,0, в Германии – 2,3 и 2,4, во Франции – 2,0 и 2,4, в США – 2,5 и 2,6, в Норвегии – в 2,1 и 3,4 раза соответственно [42, с. 87]. По данным Р. Капелюшникова, по

доле оплаты труда в ВВП в 2007 г. Россия опережала 12 из 32 стран – членов ОЭСР, имея показатель выше развивающихся стран (Чили) или некоторых стран Южной и Восточной Европы (Польша), ниже США и почти всех стран Западной Европы и находясь на одном уровне с Венгрией и Южной Кореей. Впрочем, не наблюдается и явной зависимости между уровнем зарплаты и производительностью труда: в анализе за 1998–2012 гг. разброс между показателями составляет от –17,6 до +10,3 % в «корректном» методе и от –16,6 до +11,0 % в «упрощенном» [43]. По данным И. Терентьевой, средняя зарплата в России в 2,5 раза меньше среднего показателя стран ОЭСР по ППС [44].

По мнению В. Гимпельсона, российский рынок труда имеет свою специфику: при снижении объема ВВП в результате рецессии очень слабо меняется степень занятости, но зато резко падает уровень зарплаты. После снижения от уровня в 100 % в 1990-х гг. занятость стабилизировалась на уровне меньше 6 % безработицы и с тех пор практически не менялась вне зависимости от динамики ВВП. В отличие от занятости и безработицы реальная зарплата колебалась практически синхронно с динамикой ВВП: примерно до 2012 г. на уровне ниже колебаний ВВП, а после 2012 г. – выше. По его мнению, данная модель уменьшения объема ВВП при постоянной занятости приводит к уменьшению и без того низкой производительности труда. Альтернативой повышению производительности труда и уровня зарплаты будет резкий рост безработицы [45]. Компьютеризация вытеснит много рабочих мест: например, в результате развития автоматизированных систем работу потеряет 1,5 млн чел. охранников (2 % трудоспособного населения), сокращения также коснутся банковской сферы, бухгалтерии, юридических услуг и промышленности. При этом, по заявлению властей, на оставшихся после массовой компьютеризации рабочих местах резко повысится производительность труда [46]. По оценкам Д. Белоусова, рост производительности труда приведет к высвобождению примерно 4–5 млн занятых, при этом 1,5 млн потерянных рабочих мест будет компенсировано сокращением трудоспособного населения. По оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, цифровизация экономики увеличит производительность труда в 2–3 раза, но при этом высвободит огромное количество занятого населения. Даже при сокращении трудоспособного населения возможен рост ВВП на 4–4,5 % в год при условии повышения производительности на 5–5,5 % в год. В 2019 г. был запущен национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», в ходе участия в котором, по словам главы Минэкономики М. Орешкина, 58 % предприятий показали рост производительности труда более чем на 10 %, выручки – на 13 %, налоговых поступлений – на 19 % [47].

В целом можно сделать следующие выводы. Внешняя трудовая миграция не зависит от объема трудовых ресурсов в самой России, поэтому не направлена на свободные рабочие места, а создает определенную конкуренцию гражданам РФ в сфере малооплачиваемого, неквалифицированного труда. Объем ВВП в России не демонстрирует заметной связи с объемом трудоспособного населения, поэтому некорректно говорить о дефиците или избытке рабочей силы. В свою очередь, нет заметной связи между изменением численности трудоспособного населения и уровнем безработицы. Из этого следует, что в России наблюдается дефицит не предложения, а спроса на труд. В противном случае уменьшение численности трудоспособного населения через высвобождение рабочих мест приводило бы к уменьшению уровня безработицы, и наоборот. Напротив, видна явная обратная зависимость между числом заявленных вакансий и уровнем безработицы. Из этого следует, что, вопреки распространенному мнению о дефиците трудовых ресурсов, в России есть потенциал для увеличения занятости. Несмотря на слабую заселенность, в большинстве регионов России наблюдается избыток трудоспособного населения по сравнению со спросом на труд, что обуславливает дополнительную миграцию в экономически благоприятные субъекты страны. В России велик сектор неформальной теневой занятости, что уменьшает налоговые отчисления в бюджет. Также наблюдается очень низкая на фоне других стран ОЭСР производительность труда. В целом рекомендуется уделить значительное внимание выведению серого сектора экономики в правовое поле, а также повышению производительности труда. Напротив, нет необходимости в привлечении большого количества внешних трудовых мигрантов. Более того, повышение производительности труда может резко увеличить безработицу среди коренного трудоспособного населения, что потребует опережающего экономического роста и создания новых рабочих мест. Также рекомендуется создавать дополнительные рабочие места в российских регионах, повышать трудовую активность и мобильность рабочей силы.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка комплексной оценки эффективности вовлеченности пожилых людей в региональный социум», проект № 19-010-00984.

2. Щербакова Е.М. Демографические тенденции обуславливают необходимость повышения занятости и производительности труда [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2015. 5–18 окт. № 657–658. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/barom01.php> (дата обращения: 18.10.2019).
3. Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева, М.К. Кириллова. М., 2015. 108 с.
4. Шматко Ю.О. Избранные эссе. Анализ и оценка нерегистрируемой миграции в России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2014. 1–24 авг. № 605–606. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/student01.php> (дата обращения: 18.10.2019).
5. Филиппов В. Как менялся этнический состав москвичей [Электронный ресурс] // Там же. 2004. 8–21 нояб. № 177–178. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit01.php> (дата обращения: 18.10.2019).
6. Возрастно-половая структура населения России [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_por_age.php (дата обращения: 18.09.2019).
7. Щербакова Е.М. Миграция в России, предварительные итоги 2018 г. К концу 2018 г. число иностранцев, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 93 тыс. чел., а имеющих действующий патент возросло до 1662 тыс. чел. [Электронный ресурс] // Там же. 2019. 11–24 марта. № 805–806. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0805/barom06.php> (дата обращения: 18.10.2019).
8. Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М., 2016. 340 с.
9. Демографические вызовы России. Часть третья – миграция [Электронный ресурс] / А.Г. Вишневский, Ж.А. Зайончковская, М.Б. Денисенко, Н.В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. 18–31 дек. № 753–754. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema02.php> (дата обращения: 18.10.2019).
10. Рыбина З.В. Национальная экономика России : учебное пособие. М., Берлин, 2019. 253 с. ; Спасская О.В. Анализ структурных изменений в экономике России за период 1990–2000 гг.: динамика, основные тенденции и межстрановые сопоставления [Электронный ресурс] // Научные труды: Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 2004. Т. 2. С. 112–132. URL: <https://ecfor.ru/publication/analiz-strukturnyh-izmeneniy-v-ekonomike-rossii/> (дата обращения: 18.10.2019).
11. Easterlin R.A. The American Baby Boom in Historical Perspective // Easterlin R.A. Population, Labor Force, and Long Swings in Economic Growth: The American Experience. N. Y., 1968. P. 77–110 ; Fuchs M. Unemployment Decline in East Germany: The Role of Demography // Review of Regional Research. 2016. Vol. 36, iss. 2. October. P. 145–168. <https://doi.org/10.1007/s10037-016-0106-3>.
12. Shimer R. The Impact of Young Workers on the Aggregate Labor Market // Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116, no. 3. P. 969–1007.
13. Миграция населения // Население России – 2013 : XXI ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. Гл. 6. М., 2015. С. 296–357.
14. Там же. С. 354.
15. Внутренняя миграция и российский рынок труда // Миграция и рынок труда. Гл. 3. С. 21–56.
16. Вакуленко Е.С., Леухин Р.С. Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 1. С. 121–142. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-08>.
17. Локшин М.М., Чернина Е.М. Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата [Электронный ресурс] // Экономический журнал ВШЭ. 2013. Т. 17, № 1. С. 41–74. URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285553945/17_01_03.pdf (дата обращения: 18.10.2019).
18. Миграция населения. С. 343–344.
19. Там же. С. 348.
20. Внутренняя миграция и российский рынок труда. С. 40.
21. Миграция населения. С. 347.
22. Гуриев С.М., Цывинский О.А. Иммиграция – не экономическая, а политическая проблема [Электронный ресурс] // Ведомости. 2012. 23 окт. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/10/23/immigraciya_politicheskaya_problema (дата обращения: 18.10.2019).
23. Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы, оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 2 (22). С. 16–28. <https://doi.org/10.12737/18147>.
24. Рынок труда в России в 1990–2013 гг. // Миграция и рынок труда. Гл. 2. С. 10–20.
25. Ивантер А.Е. Конец трудозыбыточной эпохи // Эксперт Online. 2006. № 18 (512). 15 мая.
26. Щербакова Е.М. Экономически активное население России – 74,3 млн чел., из них 69,1 млн заняты в экономике [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2007. 19 февр. – 4 марта. № 277–278. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/barom01.php> (дата обращения: 18.10.2019).
27. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) [Электронный ресурс] : статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) / пред. редкол. К.Э. Лайкам. М., 2018. 142 с. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/rab_sila18.pdf (дата обращения: 18.10.2019).
28. Капелюшников Р.И. Общая и регистрируемая безработица: в чем причина разрыва? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2004. 8–21 марта. № 149–150. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0149/analit02.php> (дата обращения: 18.10.2019) ; Капелюшников Р.И., Вишневская Н.Т. Феномен российской безработицы: динамика, структура, специфика. М., 2003. 192 с. (Научные доклады: независимый экономический анализ. № 139).
29. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения [Электронный ресурс] : доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова, Я.М. Рошиной. М., 2017. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf (дата обращения: 18.10.2019).
30. Там же.
31. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 65–88.
32. Приведено по: Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики : препринт WP3/2014/01. М., 2014. 40 с.
33. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Указ. соч.
34. Ощепков А.Ю. Влияние минимальной заработной платы на неформальную занятость [Электронный ресурс] : препринт WP3/2013/07. М., 2013. 49 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2013/07/03/1286257623/WP3_2013_07.pdf (дата обращения: 31.10.2019) ; Slonimczyk F. The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform // Informal Employment in Emerging and Transition Economies / ed. by H. Lehmann, K. Tatsiramos. Bingley, 2012. P. 55–99. [https://doi.org/10.1108/s0147-9121\(2012\)0000034005](https://doi.org/10.1108/s0147-9121(2012)0000034005).
35. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Указ. соч.

36. Там же.
37. Краснушкина Н. Культура труда приходит по адресу [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2019. 8 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4025198> (дата обращения: 18.10.2019).
38. Цит. по: Жаворонков С.В. Производительность труда: можно ли выйти из тупика? [Электронный ресурс] // Forbes. 2019. 18 июля. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/380253-proizvoditelnost-truda-mozhno-li-vyyti-iz-tupika> (дата обращения: 18.10.2019).
39. Журенков К. Трудом Россию не понять // Коммерсантъ. Огонек. 2017. № 3. 23 янв. С. 14.
40. Цит. по: Журенков К. Указ. соч.
41. Сулакшин С.С. Зарплата и инфляция // Сулакшин С.С. Об инфляции «не по Кудрину»: монография. Гл. 6. М., 2009. С. 144–156.
42. Соболев Э.Н. Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 79–96. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006>.
43. Капелюшников Р.И. Указ. соч.
44. Терентьева И.В. Оценка эффективности распределительной и накопительной моделей пенсионного обеспечения в России [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 70. С. 62–83. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_70_0ktjabr_2018_g/ekonomicheskie_voprosi_upravlenija/terentjeva.pdf (дата обращения: 31.10.2019).
45. Гимпельсон В.Е. Безработицы в России не будет. Но не будет и прежних зарплат // Slon.ru. 2016. 7 апр.
46. Еремина Н. Удар по рынку труда: Россия готовится к увольнениям [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2017. 6 нояб. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/10/23/10954808.shtml> (дата обращения: 31.10.2019).
47. Цит. по: Краснушкина Н. Указ. соч.

References:

- 'Age-Sex Pattern of Population in Russia', *Demoskop Weekly*, viewed 18 September 2019, <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_age.php>, (in Russian).
- Easterlin, RA 1968, 'The American Baby Boom in Historical Perspective', *Population, Labor Force, and Long Swings in Economic Growth: The American Experience*, New York, pp. 77-110.
- Eremina, N 2017, 'Impact on Labour Market: Russia Is Getting Ready to Dismissals', *Gazeta.ru*, November 6, viewed 31 October 2019, <<https://www.gazeta.ru/business/2017/10/23/10954808.shtml>>, (in Russian).
- Filippov, V 2004, 'How the Ethnic Composition of Moscow Residents Changed', *Demoskop Weekly*, 8-21 November, no. 177-178, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit01.php>>, (in Russian).
- Florinskaya, YuF, Mkrtychyan, NV, Maleva, TM & Kirillova, MK 2015, *Migration and Labour Market*, Moscow, 108 p., (in Russian).
- Fuchs, M 2016, 'Unemployment Decline in East Germany: The Role of Demography', *Review of Regional Research*, vol. 36, iss. 2, October, pp. 145-168, <https://doi.org/10.1007/s10037-016-0106-3>.
- Gimpelson, VE 2016, 'There Will be No Unemployment in Russia. But There Will be no More Previous Wages Either', *Slon.ru*, April 7, (in Russian).
- Gimpelson, VE & Kapelyushnikov, RI 2013, 'To Live in "Shadow" or to Die "In the Light": Informality of Russian Labour Market', *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 65-88, (in Russian).
- Gimpelson, VE, Kapelyushnikov, RI & Roshchina, YaM 2017, *Russian Labour Market: Tendencies, Institutes, Structural Changes: Report of the Center for Labor Market Studies and Laboratory of Labour Market Research of the National Research University Higher School of Economics*, Moscow, viewed 18 October 2019, <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf>, (in Russian).
- Guriev, SM & Tsyvinsky, OA 2012, 'Immigration Is Not an Economic, but a Political Problem', *Vedomosti*, October 23, viewed 18 October 2019, <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/10/23/immigraciya_politicheskaya_problema>, (in Russian).
- 'Internal Migration and Russian Labour Market' 2015, in YuF Florinskaya, NV Mkrtychyan, TM Maleva & MK Kirillova, *Migration and Labour Market*, chapter 3, Moscow, pp. 21-56, (in Russian).
- Ivanter, AE 2006, 'The End of the Manpower-Surplus Epoch', *Expert Online*, May 15, no. 18 (512), (in Russian).
- Kapelyushnikov, RI 2004, 'General and Registered Unemployment: What is the Reason for the Gap?', *Demoskop Weekly*, no. 149-150, 8-21 March, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0149/analit02.php>>, (in Russian).
- Kapelyushnikov, RI 2014, *Productivity and Labour Remuneration: a Bit of Simple Math: Preprint WP3/2014/01*, Moscow, 40 p., (in Russian).
- Kapelyushnikov, RI & Vishnevskaya, NT 2003, *Phenomenon of Russian Unemployment: Dynamics, Structure, Specific Features*, Moscow, 192 p., (in Russian).
- Krasnushkina, N 2019, 'Work Culture Comes to the Right Place', *Kommersant*, July 8, viewed 18 October 2019, <<https://www.kommersant.ru/doc/4025198>>, (in Russian).
- 'Labour Market in Russia in 1990-2013/2015, in YuF Florinskaya, NV Mkrtychyan, TM Maleva & MK Kirillova, *Migration and Labour Market*, chapter 2, Moscow, pp. 10-20, (in Russian).
- Laikam, KE (ed.) 2018 'Labour Power, Employment and Unemployment in Russia (as per results of sampled surveys of labour power): statistical book', *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat)*, Moscow, 142 p., viewed 18 October 2019, <https://www.gks.ru/storage/mediabank/rab_sila18.pdf>, (in Russian).
- Lokshin, MM & Chernina, EM 2013, 'Migrants at Russian Labour Market: Image and Wages', *Ekonomicheskyy zhurnal VShE*, vol. 17, no. 1, pp. 47-74, viewed 18 October 2019, <https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285553945/17_01_03.pdf>, (in Russian).
- 'Migration of Population' 2015, in SV Zakharov (ed.), *Population of Russia-2013: the 2^{1st} Annual Demographic Report*, chapter 6, Moscow, pp. 296-357, (in Russian).
- Oshchepkov, AYu 2013, *Influence of Minimal Wages on Informal Employment: Preprint WP3/2013/07*, Moscow, 49 p., viewed 31 October 2019, <https://wp.hse.ru/data/2013/07/03/1286257623/WP3_2013_07.pdf>, (in Russian).
- Ryazantsev, SV 2016, 'Contribution to Labour Migration in Russia: Methods, Evaluation and Results', *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 2 (22), pp. 16-28, <https://doi.org/10.12737/18147>, (in Russian).
- Rybina, ZV 2019, *Russian National Economy: Workbook*, Moscow, Berlin, 253 p., (in Russian).
- Shcherbakova, EM 2007, 'Economically Active Population of Russia – 74.3 Million People, out of Which 69.1 Million People are Involved in Economy', *Demoskop Weekly*, February 19-March 4, no. 277-278, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/barom01.php>>, (in Russian).
- Shcherbakova, EM 2015, 'Demographic Tendencies Define Necessity of Boosting Employment and Labour Efficiency', *Demoskop Weekly*, 5-18 October, no. 657-658, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/barom01.php>>, (in Russian).

- Shcherbakova, EM 2019, 'Migration in Russia: Preliminary Results of 2018. By the end of 2018 the amount of foreigners in Russia which had a work permit reduced to 93 thous. people, while the amount of people having an effective patent increased to 1,662 thous. people', *Demoskop Weekly*, 11-24 March, no. 805-806, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0805/barom06.php>>, (in Russian).
- Shimer, R 2001, 'The Impact of Young Workers on the Aggregate Labor Market', *Quarterly Journal of Economics*, vol. 116, no. 3, pp. 969-1007.
- Shmatko, YuO 2014, 'Selected Essays. Analysis and Evaluation of Nonregistered Migration in Russia', *Demoskop Weekly*, 1-24 August, no. 605-606, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/student01.php>>, (in Russian).
- Sitnyansky, GYu & Bushkov, VI 2016, *Migration of Population in Central Asia: Past, Present and Future*, Moscow, 340 p., (in Russian).
- Slonimczyk, F 2012, 'The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform', in H Lehmann & K Tatsiramos (eds), *Informal Employment in Emerging and Transition Economies*, Bingley, 2012, pp. 55-99, [https://doi.org/10.1108/s0147-9121\(2012\)0000034005](https://doi.org/10.1108/s0147-9121(2012)0000034005).
- Sobolev, EN 2018, 'Remuneration of Labour in the Russian Economy: Trends and Challenges', *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, no. 5, pp. 79-96, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006>, (in Russian).
- Spasskaya, OV 2004, 'Analysis of Structural Changes in Russian Economy for the Period From 1990 till 2000: Dynamics, Main Tendencies and Inter-Country Correlations', *Nauchnye trudy: Institut narodno-khozyaystvennogo prognozirovania RAN*, vol. 2, pp. 112-132, viewed 18 October 2019, <<https://ecfor.ru/publication/analiz-strukturnyh-izmenenij-v-ekonomike-rossii>>, (in Russian).
- Sulakshin, SS 2009, 'Wages and Inflation', *About Inflation not as per Kudrin: Monograph*, chapter 6, Moscow, pp. 144-156, (in Russian).
- Terentieva, IV 2018, 'Assessment of Efficiency of Distributing and Cumulative Models of Pension Provision in Russia', *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronny vestnik*, iss. 70, pp. 62-83, viewed 31 October 2019, <http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__70._oktyabr_2018_g./ekonomicheskie_voprosi_upravljenija/terentieva.pdf>, (in Russian).
- Vakulenko, ES & Leukhin, RS 2016, 'Wage Discrimination Against Foreign Workers in Russia', *Ekonomicheskaya politika*, vol. 11, no. 1, pp. 121-142, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-08>, (in Russian).
- Vishnevsky, AG, Zaionchkovskaya, ZhA, Denisenko, MB & Mkrtychyan, NV 2017, 'Demographic Challenges in Russia. Part Three – Migration', *Demoskop Weekly*, 18-31 December, no. 753-754, viewed 18 October 2019, <<http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema02.php>>, (in Russian).
- Zhavoronkov, SV 2019, 'Labor Productivity: Is It Possible to Break a Deadlock?', *Forbes*, July 18, viewed 18 October 2019, <<https://www.forbes.ru/biznes/380253-proizvoditelnost-truda-mozhno-li-vyyti-iz-tupika>>, (in Russian).
- Zhurenkov, K 2017, 'It Is Hard to Understand Russian Labor', *Kommersant, Ogonek*, no. 3, January 23, p. 14, (in Russian).

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна